

**К.Г. Холодковский,
доктор исторических наук,
ИМЭМО РАН**

Реплика

Мне бы хотелось остановиться на нескольких вопросах, затронутых докладчиками. Во-первых, относительно того, можно ли говорить о каком-то определенном векторе нашей трансформации. Я тоже против телеологизма в подходе к посттоталитарным преобразованиям. Мне кажется, что таким телеологическим подходом грешили западные транзитологи в своих первых трудах, а потом стали отходить от него. Но можно ведь подойти к вопросу и с другой стороны.

Известно, что современные процессы глобализации ставят все сколько-нибудь крупные страны в чрезвычайно жесткие рамки. Их изолированное существование, отгороженность от мира становятся попросту невозможными. Они означают автоматическое выпадение

¹ *Шмиттер Ф.* Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии / Полис. 1996. № 5. С. 16—27.

из бурно развивающихся инновационных процессов, что не только ведет к усугублению отставания и маргинализации страны, но и создает условия для созревания внутреннего социально-политического кризиса, поскольку препятствует удовлетворению потребностей населения, растущих под влиянием демонстрационного эффекта.

Но открытость страны, ее участие в мировом экономическом процессе, в свою очередь, предъявляет ей очень жесткие требования, задает определенные параметры развития. Что это за условия, диктуемые глобализацией? Это необходимость иметь конкурентоспособный хотя бы в некоторых аспектах производственный механизм, возможность постоянно быть на уровне требований момента, сохранять, так сказать, состояние конкурентной напряженности. Для этого надо обеспечить прочный социально-политический тыл, своего рода национальную консолидацию. Как это все сделать, это уже другой вопрос — методы, формы могут быть различными, но объективные требования таковы. Не больше, но и не меньше.

Несомненно, в этих условиях большое преимущество получают те страны, которые уже завершили процессы модернизации. Это естественно: они создали рыночный механизм саморазвития и регуляции, который помогает им адекватно отвечать на вызовы формирующегося постиндустриального общества, создали и упрочили демократические механизмы управления и обратной связи, позволившие добиться общенационального консенсуса по основным вопросам и своевременно реагировать на постоянно возникающие новые проблемы в отношениях управляющих и управляемых. Достаточно сопоставить реакцию развитых и развивающихся стран на мировой финансовый кризис, чтобы убедиться, насколько у первых более прочные позиции, чем у вторых.

Что касается нашей страны, то, как известно, в ее истории было как минимум три волны модернизации: во второй половине XIX — начале XX в., в советский период и настоящее время. Однако при этом модернизационный импульс сочетался на каждом из этих этапов с серьезными традиционалистскими феноменами, причем это сочетание было не чисто механическим, а образовывало нечто вроде единой парадигмы. Поэтому каждая новая модернизационная волна, обрушиваясь на традиционалистскую составляющую этой парадигмы, опрокидывала ее целиком, включая и многие модернизационные результаты прежней волны. Революция 1917 г. покончила не только с сословными перегородками и полусредневековой монархией, но и с зачатками парламентаризма и гражданского общества. На наших глазах в 90-е годы вместе с квазитрадиционалистскими институтами советского тоталитаризма оказались под ударом некоторые результаты советской модернизации — высоко-

технологичная часть производственного аппарата, научный потенциал, несовершенная, но все же выполняющая ряд необходимых обществу функций система социальной защиты и т.д. Каждое новое модернизационное усилие не столько продолжало и развивало дело предыдущих модернизаторов, сколько начинало как бы заново.

Естественно, не все результаты предыдущей модернизации оказывались на деле в мусорной корзине истории, но очень многое терялось, и в этом одна из причин, по которым Россия оказалась к концу XX в. страной незавершенной модернизации. Но глобализация не дает времени для новых противоречивых экспериментов, зажимает в тиски жестких модернизационных требований. Разумеется, это не значит, что они будут непременно удовлетворены в ходе нашей трансформации (термин Т.И.Заславской действительно очень адекватен), но это значит, что наше развитие непременно будет сопоставляться с этими требованиями самой жизни, и в данном смысле (возможно, только в нем) определенный вектор у него существует.

Другое мое замечание касается темы центризма. Мне кажется, что в нашей политике, в политической публицистике да и в политологии злоупотребляют терминами "левые", "правые", "центр". Привычная для Запада линейная шкала политических течений в России не работает. Посмотрите, что получается, если брать ее всерьез. Чем партия демократичнее по своим программным установкам, тем она правее, и наоборот. С точки зрения традиционного понимания терминов "правые" и "левые" это нонсенс. Являются ли наши коммунисты левыми? У них есть программные установки, характерные для левых (защита социальных требований массовых слоев населения), но одновременно — державничество, апологетика традиционных устоев, антисемитизм, а это комплекс, типичный для правых. Но если нет ни настоящих правых, ни настоящих левых, то не может быть и настоящего центра, который имеет смысл только в том случае, если существует линейная шкала левые — правые.

Для российской партийной системы более адекватна (хотя и не идеальна) круговая схема, на которой обычные экстремы партийного спектра — коммунисты и державники-националисты оказываются рядом, и их ареалы даже пересекаются. Здесь я вынужден отослать интересующихся к схеме, помещенной в главе "Политические партии", вышедшей под моей редакцией в издательстве "Наука" монографии "Гражданское общество: структуры и сознание" (1998). На ней российские партии, движения и блоки сгруппированы в пять политических семей, делящих между собой российское политическое пространство. Это коммунисты-традиционалисты, националисты, "партия стабилизации", либералы и, наконец, умеренные реформаторы с социал-этатистским уклоном. Относи-

тельно либералов, коммунистов и националистов, думаю, все ясно, но необходимо дать некоторые пояснения о двух других политических семьях, тем более что это имеет прямое отношение к сказанному здесь о централизме.

"Партия стабилизации", основной силой которой было движение НДР, представляла собой не только "партию власти" (или, вернее, какую-то ее часть) и клиентелу этой власти, но и партию удовлетворенных положением, существовавшим до 17 августа 1998 г., заинтересованных в консолидации результатов реформ, но опасавшихся дестабилизации в случае их продолжения и углубления. Это очень ясно видно по составу ее массовой базы, в которой перепредставлены лица с высоким доходом и жители столицы. Массовая база "партии стабилизации" рухнула после 17 августа 1998 г. Данные опросов Фонда "Общественное мнение" показывают, что поддержка избирателями НДР резко упала не после отставки В.Черномырдина, а только в сентябре 1998 г. Можно считать, что этой политической семьи, партии статус кво как таковой уже не существует. Особый вопрос — куда ушли ее избиратели? И я думаю, что мы скоро получим на него ответ.

Создание партии Ю.Лужкова "Отечество" означает перегруппировку политических кадров власти, в первую очередь региональной. "Партия власти" не может висеть в воздухе. Ее кадры, особенно региональные, в том числе и часть примыкавших к "партии стабилизации", ищут новую политическую нишу. Они берут на себя роль силы, консолидирующей еще одну политическую семью, которую я обозначил ранее как умеренных реформаторов с социально-этангистским уклоном. На этом поле до сих пор без особого успеха пытались играть разные силы — разрозненные группки социал-демократов, партия Св.Федорова, "Женщины России", в последнее время — "Союз труда" А.Исаева, объединение генерала Николаева и др. В их программных установках есть некоторое сходство с западным "левоцентризмом", и очень условно (помня сказанное о линейной шкале) можно это обозначение применять в интересах краткости. Сейчас, после краха 17 августа 1998 г., "левоцентризм" стал модным, его мотивы слышались в программных заявлениях премьера Е.Примакова. Но еще раньше социал-этангистские и чуть ли не социал-демократические декларации были взяты на вооружение КХЛужковым. Появление организации, возглавляемой харизматическим лидером, может действительно консолидировать социал-этангистскую политическую семью и превратить ее в новую опору "партии власти". Линия Ю.Лужкова — это как бы пересечение двух тенденций: на сохранение существующей системы и на ее изменение. Естественно, для "партии власти" акцент скорее на первом, для массовой базы — на втором.

Что же означают метания Ю.Лужкова от "левоцентризма" к просто "центризму"? Это, по сути, заявка на нечто большее, чем занятие одной, своей основной, социал-элитарной ниши, прицел на создание более широкой коалиции. Он отдает себе отчет в том, что одних "левоцентристских" сил мало, и стремится привлечением умеренных из других политических семей обеспечить себе большинство если не на парламентских, то на президентских выборах. Умеренных националистов можно привлечь борьбой за Крым и Севастополь (и самим названием "Отечество"), умеренных либералов — демонстрацией рыночной эффективности Москвы и филиппиками против экстремистов, умеренных коммунистов — государственным патриотизмом и социальным патернализмом. Мне кажется, однако, что попытка объединить разношерстных умеренных в одном блоке, заперев остальные политические семьи в своего рода радикализованных гетто, скорее всего будет малоудачной. В условиях, когда у партии власти недостаточно ресурсов для маневрирования, внутри предполагаемого большинства окажется слишком много противоречий.

И наконец, последнее замечание — относительно некоторых высказываний А.Н.Кулика о партиях. В его сообщении было много мыслей и констатаций, с которыми я совершенно согласен, но с частью его общих выводов позволю себе поспорить. Мне кажется, что из того факта, что российские партии слабы и не являются эффективным посредником между обществом и властью, отнюдь не следует, что так будет всегда. Несмотря на ограниченность роли парламента и преобладание корпоративно-лоббистских методов реализации групповых интересов, партии уже стали необходимым элементом российского политического механизма — и не только в качестве второстепенной подпорки режима. Игра в элитных и бюрократических коридорах не может дать ему необходимой легитимации, и чтобы ее обеспечить, режим вынужден (во всяком случае, пока) обращаться к выборам, а это означает — к партиям. Даже самые харизматические лидеры вынуждены обзаводиться собственной партией. Пока что от одной избирательной кампании к другой роль партий увеличивалась. Но выбирая ту или иную партию (или ее лидера), избиратель так или иначе приучается плавать в политическом море, приобретает опыт, избавляется от ряда иллюзий. Специальные исследования показывают, что выбор российских избирателей становится менее случайным и эмоциональным, более рациональным (хотя бы на уровне здравого смысла), а это означает, что они постепенно учатся сопоставлять имидж партий и лидеров со своими чаяниями и дорогими им ценностями. Сложившаяся сейчас политическая ситуация, думается, помогает избирателю понять, что не только на президентских, но и на парламентских вы-

борах, т.е., голосуя за определенную партию, он подает голос за тот или иной политический курс.

Стало быть, будучи малоэффективными в смысле формулирования политических программ и агрегирования политических интересов, наши партии тем не менее начинают худо-бедно выполнять функцию политической ориентации населения. Это уже нечто иное, чем политическая подпорка режима.

Несколько двусмысленно звучит положение А.Н.Кулика о том, что российские партии, в отличие от западных, создавались "сверху". Двусмысленность возникает из-за того, что в привычном для нас понимании "сверху" — значит силами государства. Как я понимаю, Анатолий Никифорович имел в виду другое: партии создавались политической элитой и для политической элиты. Но, собственно, таков же был первоначально путь возникновения партий и на Западе. Это уже потом появились партии, выражавшие интересы более широких общественных слоев. Правда, западные партии были элитарными в эпоху элитарной политики, а наши элитарные партии существуют в эпоху массовой политики и всеобщего избирательного права. Это реальное противоречие, и оно может быть преодолено, только если участие россиян в политике не будет ограничиваться выборами, т.е. когда активизируется та общественная самодеятельность и самоорганизация граждан, о которой говорил А.Ж.Кулик. Но в этом случае массовые слои вряд ли пройдут мимо таких форм политической организации, как партии.

Почему я в этом уверен? Потому, что партии — специфически политическая форма общественной организации, специально приспособленная для политической деятельности в условиях представительной демократии, в отличие от других структур гражданского общества, для которых политика — только часть их поля деятельности. При этом, говоря о партиях, я имею в виду партии в широком смысле слова, т.е. не только классические их формы, но и партий-движения, партии-блоки или коалиции политических группировок, наподобие Союза за французскую демократию или "Отечества" ЮЛужкова. Разнообразие партийных форм растет, и это, мне кажется, свидетельство жизнеспособности такого типа общественной организации, несмотря на все кризисные явления, которые присущи гражданскому обществу и самим партиям на Западе.

На мой взгляд, ссылаясь на развитие на Западе новых форм непартийной политической деятельности, неверно делать вывод о неперспективности партийной демократии в России. Как появление новых видов общественной самодеятельности, так и переход некоторых функций, прежде исполнявшихся партиями, к средствам массовой информации, свидетельствуют лишь об относительном уменьшении самостоятельной роли партий, но вряд ли этого доста-

точно, чтобы обеспечить их закат. Без партий ни одна из современных демократий непредставима. А усложнение общественной жизни и гражданских структур усложняет и задачи партий, их общественные связи, их инструментарий. Вообще, любая общественная форма, раз возникнув, так просто с арены не уходит. Она видоизменяется, приобретает или теряет свои функции, но нужны серьезные потрясения, чтобы нарушить этот процесс адаптации и подписать ей приговор. Поэтому рассуждать по принципу "или одно, или другое" (или партии, или непартийные формы политики), по моему мнению, неплодотворно. Как правило, одно дополняет другое, происходит сложное и небезконфликтное взаимодействие. Конечно, становление демократии везде происходит по-разному. Несомненно, для России это более чем справедливо. И в частности, весьма своеобразно происходит развитие партий: это своего рода встречный процесс. С одной стороны, возникают элитарные партии или, скорее, протопартии, с другой — в толще общества складываются выявляемые социологическими опросами широкие, достаточно размытые и противоречивые, но все же реальные идейно-политические тенденции, в той или иной мере ориентирующиеся на те или иные протопартии или политические семьи, а чаще на их лидеров. Если эти встречные процессы по-настоящему сомкнутся, это и сформирует в России вполне современную партийную систему.